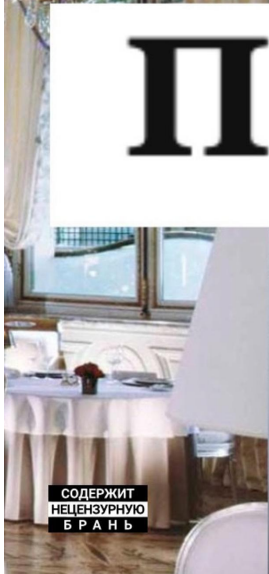

Мария
Шумская

Побег

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Шумская

Побег

<https://litres.ru/73188967>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дела у Саши хороши и плохи: есть успехи, но сомнительные, есть перспективы, но туманные, есть хороший парень, но нет большой любви. Работа мечты снимает золушкино платье и предстает такой, какая есть, а кони, что несли ее вперед, становятся прожорливыми крысами. Все может изменить одно решение, но вот беда! Героиня не может выбрать путь, потому что «да» или «нет» ежеминутно растут в цене. Что делать? Она принимает вызов судьбы и отправляется в путешествие - туда, где нас нет и быть не может.

Смешно и страшно, злободневно и с политикой, не очень прилично, а иногда и вовсе «швах». Герои плохо ведут себя, но от всей души стараются не нарушать законы и следовать моральным устоям. В финале можно протянуть им руку помощи, рюмку чая или кусок арматуры - тут уж на ваше усмотрение. Они шутят в меру своей испорченности и исключительно по недомыслию, не обижайтесь.

Мария Шумская

Побег

Побег

Глава 1

Германия, Италия, Франция, 2014 год. Зачеркните лишнее. Абсолютно верно: первые три наименования. Нет, я не жалуясь, сегодня стоимость моего труда на мировой арене растет "со сдержанным оптимизмом". Посмотрите, скоро за один рубль станут давать целых 0.011 доллара. Четыре цифры за одну-единственную - это ли не победа Третьего Рима над англо-саксонским империализмом? У нас, известное дело, особый путь, и ведет он... не в Германию, Италию и Францию. Так я и решила путешествовать по... книгам. Благо, эти пути еще не перекрыли санкции, дорогие доллары и евро, геополитические склоки и другие беды российской молодежи. Правда, тогда, 11 лет назад, в самом начале своей Одиссеи, я еще не знала, что даже этот путь обрстет заставами и жандармами, как в осьмнадцатом веке петровский тракт в недостроенное окно, из которого в наши дни многим дует.

Но оглянитесь на историю: книга и от бабушки ушла, и от дедушки ушла, а от тайных полиций уходит и подавно. Даже сегодня открываю сохраненные файлы, а там крамола, разврат и гнусный поклеп на традиционные ценности. На гра-

нице смотрят переписки, даже галерею, но где Держимордам найти путь в Нарнию? А в Тайную комнату? Разберутся ли в тайнописи страниц, что объявлены вне закона? То-то, парни, учите матчасть, хреновые из вас Пинкертоны. Ведь дорожка моей внутренней эмиграции пролегает не по вашим погранпостам и ее не видят линзы камеры. Я уехала не сегодня и не вчера, меня нет здесь уже давно, как и сотен тысяч тех, кто, видя очередной зигзаг, красный флаг или просто голову на столбе, молча переходит на другую сторону, а там - путь из желтого кирпича, вылезший из ниоткуда и влекомый в никуда черно-белыми листьями вечной Болдинской осени. Глубока наша кроличья нора, репку не вытянуть даже с помощью мышки при знаках различия. Так что мое главное преступление едет со мной сквозь кордоны и контрольные пункты, не нарушая свое инкогнито и не пикая под всевидящей рамкой аэропорта.

Что говорить, книжный туризм в просторах воображения дал мне множество преимуществ. Во-первых, реальную свободу передвижения. Когда внешний мир ощетинился визами и паспортами, внутренний открывал нараспашку мульти-вселенные и вообще ничего не требовал взамен. Во-вторых, я познакомилась с самыми выдающимися попутчиками за всю мировую историю. Эти ребята, превосходные рассказчики, ироничные мудрецы, настоящие артисты слова, составили мой витраж, преломляющий лучи света в разноцветную мозаику, сквозь которую проступала душа времени и места.

В-третьих, я научилась получать удовольствие от одиночества и себя самой. Для счастья мне вовсе не нужно включать смартфон и залезать в социальные сети. Как следствие, я обхожусь без агрессивного спама извне, ответственного за глобальную неудовлетворенность моего поколения. Когда я вижу упоминания о том, что человеку тягостно приходиться в пустой дом и скучно ужинать наедине с собой, я искренне не понимаю, о чем он. Для себя мне времени всегда мало. Наконец, именно книга дарит ощущение страны, которое в жизни размывается из-за одинаковых Бургер-кингов, Старбаксов и других проявлений глобализации.

То, что начиналось страшно и вынужденно, как запасной выход, стало порталом в новые миры, полные значения и неизведанной красоты. Вот как это было...

Глава 2

"Ты же понимаешь, что в сложившихся обстоятельствах для нас важнее гражданская позиция журналиста, чем... Нет, качество - это безусловно, это даже не обсуждается, но..."

Там королевич мимоходом

Пленяет грозного царя;

"Мы должны быть идеологически подкованы, потому что это государственная компания и она преследует цели своей страны, а цели страны определяет только ее руководство..."

Там в облаках перед народом

Через леса, через моря

Колдун несёт...

Бред. Богатырский бред, основательный, лубочный. Мы поборем Тугарина-Змея, кем бы они ни был, а ежели его нет, сами выдумаем, не гордые. Известный склонностью к перевоплощениям, Тугарин может быть змееподобным крылатым чудищем, но вполне способен к более тонким приемам в общении с богатырским полом. Для батальных сцен он удобен, потому что под его видом можно подать к столу любого нехорошего человека. Свалим трупы в реку Сафат, а там видно будет... Как там дальше было?

В темнице там царевна тужит,

А бурый волк ей верно служит;

Хорошо волку, он знает, кому служить, а я вот все еще нуждаюсь в разъяснении и, да простит меня господь, злоупотребляю терпением начальства.

"Поэтому важно объяснить людям, что там на самом деле происходит, и тут нескольких точек зрения быть не может, даже если мы про новости..."

Ага, а "там ступа с Бабою Ягой идёт, бредёт сама собой". Может, такой видеоряд и дать? Может, именно это они и хотят видеть?

"Вышла книга, кстати, там все хорошо написано, возьми в целях политпросвещения, дарю. А то у вас в вузе тоже подрывные элементы, пятая колонна, митинги обсуждаете, знаю-знаю, наслышан. В полевых условиях вредно все это. Да откуда ты это берешь? Не может быть СМИ независимых, потому что всегда кто-то платит, а кто за девушку платит, тот ее и танцует, анекдот помнишь? Не зря же говорят: вторая древнейшая..."

Дальше было: "Там царь Кашей над золотом чахнет". Отсыпали ему еще золота и он такой: "Там русский дух... там Русью пахнет!". Стоп, снято! Интересная находка для новостей, может, так ведущего и нарядим? Краснеть не придется, ведь Кошей - фигура подневольная. У кого его смерть - тот и нарративы и накидывает. Всесильный и уязвимый, жадный, но со своим видением правды. Точь-в-точь наш сотрудник месяца и гордость новостного отдела. Так плотно сидит на столичной жизни, что без аванса от него ни ларца, ни яйца, ни иголочки не останется.

"Нет, мы девок на войну не посылаем, зачем тебе-то ехать? Все нужные люди уже в Москве. Они тоже там не сидят, их проблемы решаются в центре. Надо синхроны снимать, вопросы правильные задать, подсветить там, где надо, а видеоряд оттуда пришлют. Ну какая разница, на каком фоне говорящая голова вещает о судьбах отечества? Человек оттуда, с передовых позиций, это главное. Тоже, кстати, борцы с режимом, ты ж таких любишь. Вороны всегда делают од-

но и то же, просто пугала разные. А ты в этом поле фермер, схватываешь?"

И там я был (нет), и мед там пил (тоже мимо); У моря видел дуб зеленый (не видел, но показывал); Под ним сидел и кот ученый (отчаянный сопротивленец на зп из АП), свои мне сказки говорил (на камеру - такая у меня работа).

Выхожу из кабинета не просто так - уношу с собой груз ответственности за "переломный момент в истории страны". Прогибаясь под его монументальной тяжестью, иду в редакцию. Там собираются покурить. Раз пятый на моей памяти, а с начала смены всего два часа прошло. Теперь я понимаю, почему все говорят, но никто не бросает. Ходить за кофе столько раз подряд - верный путь к разорению. А зарплаты здесь не шибко высокие. Друг у друга наши ребята занимают по сигарете и на обед, потому что аванс в первых числах снова задержали, уже не вторые и даже не третьи. Но так хотелось новые духи и за ипотеку нужно внести.

— А тут еще цены поползли, курс валюты видела?

— Нет, променяла глаза на рыбий хвост, чтоб свалить отсюда морем.

— И как?

— Наебали, должна с процентами.

— Дааа, с Лазурным берегом пока придется попрощаться...

— Тебе курортов мало? Уже добавили! Еще не загорал, но подгорает знатно.

— Не до жиру! Если завтра зп на дадут, уволюсь к чертовой бабушке и едреней фене!

— А что, у нашего барина Юрьев день? Холопам воли не давали!

— Да брось, держать никто не станет. На это место желающих - вагон и маленькая дочка, внучка, племянница, так до самой дальней родни, пока не упруешься.

— Ага, про семейный альбом я в курсе, работать-то кто будет? Новых всему учить, а сейчас такая пахота начнется, не до игр в дочки-матери.

— Я к тому, что держать не станут, но податься один хер некуда. Куда я со своим истфаком, например? Сюда-то из милости к убогим взяли.

— Даже с профильным сейчас по миру пойдешь. Дни открытых дверей кончились, остались только закрытые. Будете брать аль нет?

— Возьму-ка я, пожалуй, кофе с сахаром, кто со мной здоровье убивать?

— Минздрав предупреждал меня, но без бутылки жизнь - херня...

— Даже так? Нет, на работе меня убивают только кофе, табак и сахар. В очередь, сукины дети, в очередь!

Дружным строем ребята идут за кофе. Я тоже иду и думаю о том, что меня на работе убивает время. Строго между нами: оно делает это без очереди и с каждым встречным. С вами и со мной, тогда и потом, *dance macabre* нас объединяет,

мы танцуем в паре прямо сейчас, даже если никогда-никогда не встретимся. Остановитесь-ка на секунду и только представьте это: вдоль расстрельной шеренги крестов-могил мы вальсируем так, будто небыль - быть, будто этот холодный и томный снег - это времени медленно-плавный бег, будто вместо спешащего вниз песка на часах показали отсчет снега...

Но на работе время убивает меня с выдумкой, на свой манер. Дело в том, что оно пустое. Нет, я часто езжу на задания, все интересные. Вижу первых лиц, вхожу в кабинеты и залы, которым только горностаевой мантии не хватает до полного пафоса. Слышу разговоры о важном до того, как они, напомаженные и припудренные, выходят в эфир. И даже те секреты полишинеля, что по ту сторону экрана - состав, у нас - повод для зубоскальства. Меня, позавчерашнюю школьницу из Подмосковья, даже спрашивают, что я, мол, об этом думаю. На "вы" и на чай зовут (правда чай, для продолжения банкета у них есть такие барби, что мне с высоты своего роста не видать, где они заканчиваются). Где я была на этой неделе? На съемках нового фильма, на митинге у посольства, на открытии выставки, на базе у кремлевских мотобайкеров, наконец, в Думе. Это не все, просто такие поездки лучше запоминаются. Чаще всего я разговариваю с людьми на камеру, а потом их ответы вставляют в репортажи или документальные фильмы. Хотя я в этих рядах - даже не шестерка, а двойка без козырного продвижения, душу греет ощущение

привилегии, сопричастности с большим делом. Ты такая говоришь: "Знаешь, когда мы были на фуршете в иранском посольстве, там подавали такие интересные десерты...". Собеседник уже иначе на тебя смотрит. Даже если он на Иране барана съел, ему уже неловко раскладывать пальцы веером, все-таки у тебя живой опыт общения с дипломатами, информация из первых рук. Когда тебе всего 18, этот взгляд дорогого стоит. Как и имя-фамилия в титрах новостей. По звонку распахиваются такие двери, на которые раньше лишь поглядывала и то не без опаски. Но кто зайдет в эти львиноголовые двери? И зачем? Вот где должна была быть зарыта собака, а зияет распахнутым зевом цветущая пустота. Мы снимаем то, что никто не смотрит. Мы говорим то, во что никто не верит. Наконец, мы делаем то, во что не верим сами. За деньги, статус, горделивый блеск в глазах всевидящего ока. За протяженность заманчивой перспективы, даже если она в уме, как неудобные вычисления, кто сколько должен за обед, который оплатила я. За похвалу и чай большого человека, который многого достиг и многое может. За то, чтобы быть под покровом той абракадабры букв, открывающей с помпой любые двери. Но в магической аббревиатуре, уцелевшей с советских времен, меня, не заставшей их, нету. Все просто - время, потраченное напрасно, меня убило.

В школе я думала, что в будущем не стану носить ненавистную форму. Но форма ведь не снаружи, она внутри. Надевая брендиворанную петличку, представляясь от имени с

руководством согласных букв, я растворяюсь в профессиональной функции и уже не живу по своим правилам и установкам. Даже больше: моя жизненная позиция продиктована последними коррективами в методичке (от слова "дичь", вы бы это видели). Солдаты и полицейские, Пилат и Шелленберг, Золушка и Карлик Нос доказывают, что форма важнее содержания и сильнее личности. Она нивелирует персональную ответственность и стирает границы этических норм. У меня нет эполет и аксельбантов, клетчатой юбки и пиджака, но мне задают казенную форму пять утрамбованных в слово букв...

— Блядь! Ну все, пятно. Никогда больше не буду пить кофе через эту дурацкую дырку в крышке...

— Для таких, как ты, растяп бог создал фаллические предметы в виде трубочек.

— Да нет же, это только для того, чтобы рот у тебя был занят!

— У кого свободен, могу помочь, как христианин - христианину!

— Окстись, у нас традиционные ценности! Вы допомага-лись там, на католических священников смотреть больно.

— А где болит, можешь показать дяде?

— Без грузовика с мороженым даже не подкатывай, жадный педик!

— Воу-воу-воу, за такие слова даже не морду бьют, а в тюрьму сажают. Будешь там парням показывать, с какого

конца радуги клад закопан...

— Чур меня чур!

— То-то!

— А за грузовик с мороженым?

— Грузовик с мороженым раз, грузовик с мороженым два, грузовик с мороженым три!

— Продано господину с преступными наклонностями!

— Свят, свят, свят! Ни к чему не призываю, а сужу разве что оценочно и по слабости ума!

Под незатейливые смешки вернулись в редакцию, что-бы... что? Что я здесь делаю? Снимаю говорящие головы на десятисекундный синхрон, чтобы полтора зрителя поверили в угрозу с запада и скорое падение марионеточного режима? Господи, да они даже в инопланетян верят, если их на Рентв показывают. Так что эта задача не выглядит амбициозной или хотя бы стоящей, не говоря уже о моральной стороне вопроса. Хотя наш один с половиной зритель с дивана не встанет - уже в силу возраста, и его милитаристские устремления дальше слова не простираются. Это я к тому, что большого вреда от моих синхронов не ожидается. Но и пользы по нулям, а ставить на zero свою молодую жизнь... Ну такое, как напишут в интернете.

Впрочем, там же можно найти миллион и маленькое подтверждение того, что большинство людей так живут. От их труда мало что зависит, они всего лишь повторяют рутинные действия и на работе просиживают урок за деньги. Пока

зарплата платится, планета катится, а задумываться о большем - интеллигентские замашки праздного ума. Сразу видно, что кое-кто в этой черепной коробке все еще учится в вузе и берет «на покушать» у родителей. Смешно попрекать бессмысленностью профессию, ради которой учишься платно. Смысл, блин, в том, чтоб отбить эти нехуйственные вложения!

Я сдаю одноразовый пропуск и выхожу из здания, дабы через пятнадцать минут быстрого столичного шага оказаться в метро, где...

Глава 3

... Экономит цветные чернила хозяйственный финский пейзаж. В нем зябко даже летними вечерами. К лесу жмутся озябшие до костей рыбацкие поселения. Там лачуга, тут кабак - ничего похожего на шале пока что. Густой туман разбавляет самые темные сумерки, как прекрасные финские сливки - перестоявший чай. В этом вареве, будто в фате до пяток, позируют стройные корабельные сосны, когда смотрятся в ясную гладь озер.

С детства мне было любопытно, где находится Лукоморье? Учили отрывок в детском саду, проходили в школе, но вопрос так и оставался открытым на странице школьного дневника с незаполненными днями. Конечно же, Пушкин жульничал во времени и пространстве, Лукоморье - не место на карте, а средоточие русской культуры, где поэты черпают вдохновение. Но все-таки в его поэме есть указание на то,

какие тропы ведут "невиданных зверей" в сказку.

От Киева Руслан и его соперники двинулись на север. Желтели искали Людмилу довольно долго, автор описывает смену времен года. Чем ближе Руслан подбирался к Черномору, тем холоднее было это делать. Автор описывает "дальний север", где Руслан бился то с ведьмой, то с великаном. Пейзаж окутан густым туманом, с ветвей сорвался последний лист. В реке уже так холодно, что русалки развесились на ветвях вместо листьев и отчаянно зазывают к себе хотя бы храброго витязя - для согрева. В пути Руслан встретил финна. Тот упомянул, что его родной край далеко, но Руслан после разговора с ним продолжил движение на север и, надо полагать, нашел искомое в краях, где некогда разыгралась драма Наины и финна. Эти герои стали главными географическими указателями в поэме. Конечно, Черномор спутал карты, так как в своей волшебной долине учредил вечное лето: пока у Руслана зима, Людмила купается в речке и гуляет по цветущим садам. Из всего этого следует, что источник магии и русского духа находится где-то в Ингрии (Ленобласти). В стране НАТО мы его разместить не можем, а на границе - почему нет?

Но тем и хорош воображаемый туризм: границами и НАТО можно пренебречь. Я просто гуляю по каменистому берегу, различая в тумане лишь акварельные пятна от остального мира. Пахнет хвоей и палой листвой, дождем и холодом. Вдали виднеется гордо вздернутый к небу силуэт. Неужели

она? Наина?

Самый трагический персонаж в далеко не детской сказке Пушкина (чего стоит одно описание бани с девочками, куда угодил Ратмир!). Ее вина состоит в том, что она осмелилась быть честной со своим "воздыхателем" и отвергла его ухаживания. Гордая красавица не стала обманывать ни пастуха, ни героя. Она не продала любовь за золото, как он ей фактически предложил, не стала играть с его чувствами и куражиться над неудачей. Просто сказала, что не любит, и все. Финн, не придумав ничего лучше, решил приворожить избранницу, то есть обмануть ее и самого себя. "Теперь, Наина, ты моя! Победа наша, думал я" - для него завоевание женщины стало очередной битвой, каким-то состязанием с судьбой, где сердце возлюбленной значения не имеет. И рок в данном случае - гонитель не только упорный, но и справедливый. Он наказал финна. Не за чернокнижие, нет, за нелюбовь к Наине и неуважение к ней. Ведь ему нравилась только внешность очаровательной девушки, а не ее личность. Он так и не разобрался в ней. Возможно, именно поэтому Наина его и отвергла. По словам финна, она любила лишь свои прелести, но как можно доверять его словам, если он ничего, кроме этих прелестей, в ней не видел? Любую женщину оскорбила бы такая откровенная сексуальная объективация. Кроме "этого самого", пушкинского героя ничего не интересовало. Лишь самоутверждение за счет обладания - не более того. Ведь его отталкивает гордость Наины, задевает ее рав-

нодушие, но он все равно добивается расположения надменной красавицы, как будто лишь ее внешность имеет реальную ценность.

Стоит ли удивляться тому, что Наина стала злой колдуньей? Какой выбор предоставила ей жизнь? Быть с мужчиной, который видит в тебе лишь трофей? Продать любовь за золото, добытое в никому не нужных кровавых битвах? Стать жертвой морока и обмана? Или просто уступить тому, кто громче просит? Нет уж, лучше любить свои прелести и обходить стороной всех пастухов, героев и колдунов вместе взятых. Выбор Наины - это честная и открытая позиция человека, который себя уважает. Лучше жить одному, чем в нелюбви с тем, кто тебя в упор не видит и понять даже не пытается.

Даже когда приворот делает Наину зависимой от финна, она, увидев его пренебрежение, в негодовании уходит и даже мстит обидчику, хотя ее сердце ранено искусственной любовью без ответа. В отличие от Наины, финн с легкостью играет чувствами другого человека, чтобы добиться своего. А она сохраняет достоинство даже в этой ситуации: не молит о взаимности, а обращает свою нерастраченную нежность в разрушительную силу. И я даже могу понять ее дальнейшие действия, ведь Людмила для своих обожателей - такая же забава, такая же наградная медаль в состязании с соперниками. История повторяется вновь и вновь, не жалея трупов и не щадя живых.

Наина стоит одна, высоко подняв голову. Тонкий стан, свободная на ветру одежда, длинные волосы, чуть волнистые от дневной косы. В моем продолжении мира она вновь молода и красива, но все так же изолирована в себе. Будто дуб на берегу северного моря, опоясанный цепью из сказок, что никто не расскажет и не услышит. Тссс! Не будем ее тревожить. Она вечно из всех выбирает саму себя.

Глава 4

Сложно описывать город, выходя из метрополитена. Лично я с высоты ста шестидесяти пяти сантиметров вижу только спины, руки и ноги. Передние части людей тоже проглядывают мельком, но мне некогда их рассматривать - собьют. В этой плотной очереди за входом в дом я добираюсь до подъезда. Живу рядом с метро, мне еще повезло. Остальные ветви вечерней очереди отрастают в ожидании автобуса или электрички.

Я поднимаюсь по лестнице, видя глянцевую скорлупу краски на стенах хрущевского подъезда. Зато из моего окна вид на старую липу, которая так обольстительно пахнет весной и так сочно желтеет осенью. Тут вообще старый московский двор, избежавший бича реновации. Никто не "демонтирует" деревья, не "реконструирует" площадку под тц. Даже бельевые веревки сохранились. Летом на них важно восседают соседские ковры и висят (уже поскромнее) постельные принадлежности. Одежда стыдливо прячется от любопытных взоров и озорных прохожих. У белья и вовсе жалкий

вид, выражающий сакраментальную фразу: "Как бы чего не вышло!".

Все это я разглядываю не от делать нечего. Ко мне вновь напросился гость, что хуже татарина. И я не хочу на него смотреть.

— Дай мне еще один шанс! Всего один! Мы должны быть вместе, я и ты.

— Это уже не имеет смысла. Мы пробовали - не вышло, не лучше ли признать это и пойти дальше?

— Ты разойтись предлагаешь?

— Мы с самого начала не шли в одном направлении. Вот и сейчас мы порознь.

— Как ты не видишь, что мы просто созданы друг для друга? Разве нам плохо было вдвоем?

— Кому "нам"? Ты имеешь в виду подростка, который любил впервые? Безусловно! Но сейчас я уже не та, что была раньше, я меняюсь и очень резко, скачками. Я встаю и не вижу себя вчерашнюю, будто при монтаже потеряли кусочек записи, а перебить нечем.

— То есть как? Если человек любит, он любит до конца, в этом и смысл отношений, нет?

— Но отношения - это не единственный смысл человека. Ради их сохранения я не могу жертвовать собой. Если мне не хочется идти дальше, что я могу поделать?

— Раньше ты так не говорила!

— Раньше я так и не думала. Но теперь мне стало ясно,

что наша с тобой дорога - это две разных, которые шли параллельно, только и всего.

— Пути разошлись? Ты об этом? Но где, позволь тебя спросить, они расходятся?

— Сейчас покажу. Как ты видишь наше совместное будущее?

— Для начала будем жить вместе. Поженимся - это само собой. С детьми торопиться не будем, как скажешь, но со временем ты сама захочешь, так у всех было, есть и будет, это естественно для людей - продолжать свой род. Работать хочешь? Ладно, работай, но не в ущерб семье. Для женщины это главное дело, остальные...

— Хорошо, а ты хоть раз у меня спросил, как его вижу я?

— И как же? Я ведь не заставляю, все обсуждаемо!

— Вот именно! Тебе даже в голову не пришло спросить, ты сам уже все решил. Но раз уж мы начали, продолжу: мне нравится жить одной, я только-только от родителей съехала и хочу насладиться этой свободой, понять, как мне лучше, а не кому-то другому. Я не хочу замуж и не вижу смысла в дурацком штампе. От одного вида свадьбы меня воротит, чтоб ты знал! И напоследок я скажу: пока я не стану родителем для самой себя, не смогу закрывать все свои потребности, никакого продолжения рода я не планирую. Мои приоритеты сейчас - это учеба и стажировка, а не семейная жизнь. Теперь ты видишь, что наши цели не совпадают в принципе. Зачем это все? Ты теряешь время.

— Зато сохраняю любовь, которую ты не ценишь. Разорвать эту связь легко, а найти и построить заново ты пробовала? Нет, потому и разбрасываешься! Я понимаю, ты еще юная: максимализм, гормоны, бунт, хочешь что-то кому-то доказать. Но никто тебя не ущемляет и дома не запирает, я готов ждать, пока ты повзрослеешь и пойдешь по тому пути, который лучше для нас обоих.

— А почему ты решаешь, куда мне лучше пойти? Спасибо, конечно, что еще не запер, это верх великодушия с твоей стороны, я тронута, но скажи на милость, какое ты имеешь право вершить мою судьбу? Откуда ты знаешь, что через пару лет я сделаю такой выбор, который тебя устроит? Твои планы на будущее - это не единственно возможный сценарий для человечества, чтоб ты знал! Финал вариативен, как в постмодернистской прозе, а ты меня по Толстому меришь, как будто приехал на экипаже и отдал сюртук дворецкому.

— Поверь, мысленно так я и сделал, золотые были времена! Пойти тебе лучше со мной, потому что я тебя люблю, мы идеально подходим друг к другу. Я уже взрослый и состоявшийся, никаких метаний и сомнений. Ты же нуждаешься в надежном партнере, который уравновесит твои юные порывы и поможет встать на ноги. Нет ничего плохого в том, что я опытнее и лучше знаю жизнь. Тебе это только на пользу, даже если сейчас это не очевидно.

— Вот опять! Ты ставишь себя в родительскую позицию, хочешь быть надо мной. Снисходительно позволяешь мне

учиться, работать, выходить из дома без мешка с прорезями для глаз - похвально, нечего сказать, но почему ты, такой взрослый и состоявшийся, выбрал меня, такую юную и неразумную, себе в гипотетические жены?

— "Я дышу — и значит, я люблю! Я люблю — и, значит, я живу!". Помнишь, откуда?

— Да, это из репертуара Высоцкого. Но почему я? У меня нет никаких матримониальных амбиций, я не тургеневская барышня, ты явно ошибся номером.

— Нет, я вижу в тебе то, чего ты сама еще не видишь. А полюбил просто так, как это всегда и бывает. Твои намеки мне непонятны. У меня были и ровесницы, дело не в возрасте. Я не люблю маленьких девочек, я полюбил одну конкретную девушку и она оказалась чуть моложе, чем нужно для брака. Но вполне достаточно, чтобы ранить меня в самое сердце, как сказал бы парень в сюртуке и из экипажа с вензелями.

— Тебе было бы проще жениться, завести семью и жить так, как ты хочешь: родовое гнездо, охота, гонки на санях и другие барские причуды. Но я совсем не из русского классического романа, вся эта лубочная эстетика с бердяевщенткой на закуску мне поперек горла!

— Что-то я не заметил, милая. И блины, и картошка с лисичками, и рагу из оленины...

— Я не про меню, тут уж даже Евфимий Печерский поститься перестанет. Я не представляю такую жизнь своим бу-

душим. А ты меж тем торчишь в Москве, которую не любишь, лишь для того, чтоб утащить меня обратно - в провинцию, которая мне наскучила. Наш богатырь на распутье кони двинет, пока решит, куда ехать: на ленинградский или с ленинградского.

— Вот и доверься мне: я лучше знаю, куда ехать, и результат тебе понравится! Голову даю на отсечение! Женюсь я с радостью, только ты пока не хочешь. Ничего, я подожду. А торчу я здесь, дурочка, чтобы быть рядом. Я ж не запрещаю учиться, жена должна быть образованной, все правильно!

— Боже, ты вообще меня не слушаешь?! Не хочу я того, что ты называешь счастьем, не мое это вовсе! Все было хорошо, у меня нет к тебе никаких претензий, но мы разные люди и это нужно просто принять. И отпустить...

— У тебя есть кто-то?

— Нет, но мне пока и не надо, видимо. Работы много, учеба очная.

— Тогда зачем ты меня прогоняешь? Я тебе не мешаю, не критикую твой напряженный график, не упрекаю. Какой парень еще будет все это терпеть? Ты же не найдешь более подходящего человека и любящего партнера. Зачем ломать то, что работает?

— Да ведь это тупик, Леша, нельзя быть в отношениях просто потому, что они удобные!

Оглянись вокруг, так браки и строятся. Невозможно всегда быть в эйфории влюбленности, неизбежно наступает по-

ра привыкания и притирки, вот тогда люди и понимают, что взаимное удобство - основа гармоничной совместной жизни. Ты еще не проходила эту стадию отношений, вот и беспокоишься понапрасну, хотя все это уже давно не ново.

— Но я не хочу так!

— Со мной не хочешь?

— Дело не в тебе.

— А в ком тогда?

— Во мне и форме моего сердца: ни одна масть, предложенная тобой в козыри, не подходит.

— That's not the shape of my heart?

— Да.

— Ты сама говоришь, что меняешься чуть ли не ежечасно. Значит, это временное состояние. Ты - это то, что с тобой происходит. Вот увидишь, что со временем учеба и работа уступят место новым желаниям и стремлениям. И тогда я буду рядом. Вот и все, чего я хочу.

— И требовать ничего не будешь?

— Нет, я же и сейчас ничего не требую. Просто прошу, чтобы ты дала мне и себе еще один шанс на «мы».

— Ладно, давай на этом остановимся, хорошо? У меня тяжелый день, завтра работы много предстоит.

— Что делать будете?

— Беседовать с говорящими головами.

— Поэтому "Руслан и Людмила" в сумочке?

— Да, но под нашими не мечи, а деньги.

Через час я провожаю своего счастливого визитера. На губах, кроме горечи от чужого парфюма, застывает вкус поражения. Это ведь уже не первый дубль сцены нашего расставания, а я все еще забываю сказать нужные слова. Камера, мотор и... молчание. Неудобные, острые, злые реплики, словно рыбы кости. Только горло царапают, но ни туда, ни сюда. Говорят, роль сильнее персонажа, но в моем случае это я никак не сумею покорить чужеродное амплуа. Ведь не так уж и просто сказать герою, что его не любишь.

Глава 5

Сидеть на ветке холодно и скользко, хотя смотрится, конечно, вау. Красота ракурса у нас за дорого: прихотливый узор коры врезается в чешую хвоста, разрушая рисунок кожи. Раздражение, покраснение, вплоть до некроза тканей, если не применить (здесь могло бы быть название вашего бренда, номер для заявок...). Ой, только не надо так закатывать глаза, а то застрянут и зрачками окажутся к лесу задом. Я сижу на дубе целыми днями, а жить как-то надо!

Израненный ожиданием хвост - это, поверьте, еще полбеды, настоящая же беда - это когда хвоста два и болят оба. Среди нас такое уже бывало, но це Европа, там особый разговор. Разговор, как увечная наша сестрица вознамерилась вынырнуть замуж за принца. Символично, что ради мужской любви нужно было пожертвовать именно своим голосом. Поменять способность выражать свои мысли на красивые длинные ноги. Звучит как секрет успеха из коучинговой програм-

мы для очередного женского марафона. И ведь работает, эта закономерность легла в основу европейского культурного кода. Прощаешься с собственным "Я" - получаешь любовь до гроба.

Но честный финал первоисточника показывает грустный итог самоотречения: принц один хрен выберет другую, а вот ты свой голос не вернешь. Более того, ты - не ты, когда без голоса. Станешь пеной морской и только. И поделом, потому что лучше трижды отречься от любви, чем предать самого себя.

Вот поэтому мы взгромоздились на дуб лишь своими силами: пришлось изрядно напрягать мышцы рук и пресса, иначе хвост ни за что не выдернуть из морской пучины. Слава богу, поэт был пьян и ничего не видел. Вот это было зрелище, даже хлеба не надо! Это в воде плавники и чешуя придают маневренность и даже некоторое изящество. А на суше ты попробуй их допри, то еще приключение ипохондрика! До сих пор на руках кровоточат борозды царапин и ссадин. Синяки не сходят, хотя кора дуба, надо сказать, пригодилась, особенно первое время, когда еле живые были. О животе и груди моя девственная лира даже не заикается. Лед после побоища - иначе не скажешь. В паутине спутанных волос застревают северные ветры. Снизу не видно, парень, ты ближе подойди!

Вот так, садись, не тушуйся, места всем хватит. Этот дуб даже больше, чем ты можешь себе представить, мегаполис

просто. Далеко за туман протираются его мощные ветви. На-
лево пойдешь - концов не найдешь, направо пойдешь - на-
лево свернешь. Прямо только обрыв, так что... Сзади? Там
тебя уже нет и не будет вовсе. То, что сзади, уже прошло. Не
смотри назад, потому что это всегда вниз. Оно тычет мор-
дой в пол, не дает подняться. А на дерево поднимется только
тот, кто не боится падать. Смелей! На ветвях оседает туман,
он скользкий, неверный, призрачный, как сама предрассвет-
ная гладь воды, неразличимая в сумеречном небе. Когда Инь
и Ян смешиваются в бесконечном круговороте жизни, они
одинаково темны. Прыгай! Неважно, где небо и где вода -
рок рассудит.

Хлоп! Белогривый покров тумана разошелся по короч-
кам ото льда. Треск, резко переходящий в плеск, и сорвав-
шийся в пропасть крик. Удивленный и жалобный, как по-
следний взгляд в бесконечное дуло глока. Понимаешь, маль-
чик, хвост и голос еще при мне, а тебя никто не привязал к
мачте...

Просыпаюсь резко, как от тычка иглой. Дааа... а потом
удивляюсь, почему просыпаюсь с непечатными мыслями о
бренности всего сущего. Если вы тоже хотите полистать лю-
бимую книгу перед сном, не советую.

Глава 6

Рассвет я встречаю в гуле столичного подземелья. Но ад-
ский грохот поездов не мешает мне проваливаться в дрему
и даже забывать про переход. Сон наваливается всем сво-

им весом и выбивает руки из-под головы, фаршированной не трюфелями, конечно, но свинцовой тяжестью и туманной мутью. Что ж, я плохо сплю, зато хорошо работаю. Топ, топ, топ и я в редакции.

— Что с лицом? 50 оттенков серого.

— Видишь ли, у меня во сне людей убивают, это 02 или 03?

— 0,5 таблетки снотворного и цифровой детокс от новостей.

— А если я работаю в новостях?

— Тогда целую и с самого утра, трупы мы сами разгребем, не парься.

— Спасибо, Паша, ты настоящий друг!

— Наше вам с кисточкой! Кстати, сегодня у тебя народные заступники из ближнего зарубежья.

— Ммм... как можно заступаться за народ и его же расхерачивать?

— Это не тема нашего выпуска, но если хочешь - ask him. Только смотри, если у них на входе оружие не отобрали, сон станет явью и не по моей вине.

— Ок, замяли. Ты бы тоже поостерегся, мы же русский язык защищаем от англосаксов. А ты тут аскаешь и химствуешь, не щадя живота своего. Негоже, дяденька, и стыдно!

— Ага, долой Карамзина, да здравствует Шишков! Знаешь, как поборник русского языка называл Академию?

— Ну?

— Словознайство! А журнал - дневницей.

— Дааа, с юмором был мужик, его бы нам в цензоры. Могли бы вместо новостей стендапы выпускать. Обогнули бы и перегнали комеди.

— Ни слова больше, комеди тоже загрязняет русский язык. У Шишкова это было бы Смехолюбие. Или "Зрелищехранилище", как театр.

— Тогда телевизор лучше сразу в "позорище" переименовать.

— Я давно об этом говорю, начальство не внемлет. Ладно, лирика. Едешь?

— Ага, скачу сквозь время и пространство на птице тройке!

Говорящие головы шпарили как по писанному, нигде не сбились. Сказители из них те еще. Приманили черного кота, обмотали золотой цепью и говорят: "Подержи-ка примус - ща покажем класс!". Так в Москве и начинаются заварухи. Но не нашего ума это дело. Пикантные сцены, кровавые сечи для нас равноценны - снимаем по плечи.

По-старинному роскошна Москва чиновничья! Просторные вестибюли, хрустальные люстры, приемные и охрана, бесконечные секретари и помощники, затянутые в костюмы. Через сто дверей пройдешь, только так его найдешь - кто это? Правильно, хрен знает кто, но у него солидная должность. Он курирует, контролирует, организует - делает все, чтобы крутануть глобус государственной активности. Возит

его продолговатый мерс с личным водителем, одевает его ЦУМ, кормят его рестораны с непроизносимыми названиями, информирует его целый штат, так что нет, Михаил Евграфович, один мужик двух наших генералов не прокормит!

Последняя голова восседала в своем позолоченном кабинете и едва держалась на жирной шее. Сказывается бремя службы государевой. Дубовый стол, изящные сувениры и безделушки, массивное кожаное кресло, награды в прозрачной витрине говорили больше, чем обитатель этих мест, но за то ему и позолотили ручку. Удивительно, как можно разглагольствовать битых полчаса, а не сказать по существу ни слова! Настоящий талант встречается не часто, но запоминается навсегда.

— Мы все видим на этих кадрах, людей не обманешь. А что мы видим? Как они нарушают действующую конституцию, попирают законы, ведут себя как бандиты. Правовой нигилизм - это западное влияние. У нас такое не принято. И порядка не будет, пока не придет, что называется, порядок, уж простите за каламбур, неуместный в такой трагической ситуации.

— А в чем вы видите решение возникшей проблемы?

— Ну как же... в восстановлении порядка само собой! В нынешней власти сплошной беспредел, хаос. Нет системного понимания, что делать дальше. Нет преемственности, нет закона. Народ быстро устанет от этой анархии и поймет, что дальше двигаться можно только навстречу стабильности и

процветанию. Без этого жить невозможно. Все-таки должен быть порядок, правильно я говорю?

— Что необходимо сделать народу, чтобы пойти по пути стабильности и процветания?

— Ну как что... мы же видим на этих кадрах...

Слава богу, что ему хотя бы кадры показали, а то мы бы на одном западном влиянии далеко не уехали. Правовой нигилизм, конечно, тоже выручает, но и он - не дюрекс, чтоб тянуться до бесконечности. Монтажеры пусть сами это расхлебывают, благо не мне выуживать достойные (уж какие есть) куски.

Не успела я завернуть в столовую и предаться греху чревоугодия, как поступило срочное задание: на задворках Подмосковья снова горят торфяники. Пока другие тушат, нам нужно осветить. Все-таки новости - это когда что-то происходит у нас в стране. Хотя бы для разнообразия.

По Москве ехали черепашьям шагом. От одного светофора до другого - и вдруг как будто из-под земли вылез третий. Его регулировал местный Гендальф: мы не прошли, но проползли по-пластунски эти несчастные двести метров. Зато в подробностях рассмотрели бесконечные вереницы премиальных автомобилей и чахлые поросли придорожных кустиков. Опираясь на их нестройные ряды, вездесущие заборчики разлагались на ржавчину и краску. Лучше бы их лепили из мусора, он более жизнестойкий. Вон та банка лежит уже пару дней, я ее запомнила.

На ленинградке все вздохнули с облегчением. Придорожные кусты - уже деревья, уходящие вдаль уцелевшим лесом. В буйстве зелени застревают мясистые облака. Голубое небо окрашено тусклым присутствием солнца. А ограды, каймой окружившие нашу дорогу, окрепли и осознали социальную важность своей миссии. Кое-кто из них уже принял удар серьезного ДТП и стал выражением боли. Настоящий экспрессионизм в стрит-арте.

На въезде в поселок лесной пейзаж оживился новыми ощущениями. Как в экипаже прокатились, шутка про тройку оказалась пророческой. Даже здесь тянуло гарью и несвежей болотной сыростью. Набирал силу стрекот кузнечиков и сверчков. А по здешним полянам бежал босиком рассвет и оставил следы ярко-розовой россыпью иван-чая. Кое-где пробивался желтый всполох болотного ириса. Колосились дикие травы на свой манер. По-хозяйски развалился сочный репейный куст. Было бы даже красиво, если бы не тяжелый дух подземного торфяного пламени.

Торф - это органика, сжатая веками. Он горит не сверху, а внутри себя. Снаружи пламени может и не быть, а под ногами уже тлеет маленький страшный суд. Торфяник горит вглубь, на метры вниз. Как его тушить? Сверху поливаешь - снизу только пар идет. Это всё равно что лечить солнечный удар, прикладывая компресс к ботинку. Даже если пошёл дождь, торфянику всё равно. Он исходит пламенем медленно, но ядовито. Дым от него вязкий, липкий, оседает тя-

желой и смрадной копотью. Пожарные уже здесь, но от них мало что зависит. Операция длится часами и не факт, что исход борьбы решится в нашу пользу. Но граждане исправно платят налоги и хотят видеть, на что скидываются, поэтому я, оператор и звукорежиссер здесь.

Едва приметные лого блеснули из-за кустов, местные жители (судя по возрасту, еще комсомольский актив) окружили "представителей прессы и телевидения" тесным кольцом. Мы же "из Москвы", все ответы знаем. От пожарных ничего толком не добиться, представители власти не явились, а кому еще за всех отдуваться?

— Почему не тушат? Какой день уже горим!

— Почти до домов дошло, лес того гляди полыхнет, что делать будем?

— У нас СНТ на торфянике стоит, провалимся, если меры не принять!

— Девушка, вы меня послушайте, я сейчас про этих тварей все расскажу...

— Они ведь даже не едут, когда звонишь, трубки бросают и точка!

— Мне уже никто не отвечает, хотя как выборы, то да се, сразу время находят на народ!

— А я вот говорила сыну, что дрянь земля, но нет же, рядом с лесом, природа!

— Девушка, ну хоть нас снимите, пусть там видят, что у нас творится!

— Нет, это никуда не годится, я до губернатора дойду!

Как объяснить им, что из всего этого многообразия жалоб и стенаний в новости попадет только пара слов и те самые нейтральные, просто для атмосферы? Основную часть за них скажет хорошо поставленный закадровый голос: мол, ситуация сложная, дыма много, торф - дело такое, но ребята работают, а те, кому надо, в курсе и принимают меры. Проблема решается, нет повода для паники и плохого настроения. Так что хоть снимай, хоть не снимай - без разницы. Торф не ускорится и не замедлится, а лес и ныне там, как воз. Впрочем, душу на камеру отведут - уже немало. Коллективная психотерапия - вкл.

— Мы тут просто задыхаемся, так страшно, вы даже не представляете! Это сегодня еще ветер есть, дует в другую сторону, а вчера вообще духота стояла страшная, мы не дышали. Очень едко пахнет, окна открыть невозможно. И уже не первый день это, но никто ничего не делает! Мы куда только не звонили, даже к вам в новости от отчаяния уже, потому что никто не поднимает трубки, всем побоку! А если ихние дачи близ торфяника, там небось все силы стянуты, там небось землю руками роют, чтобы торф этот остудить. А у нас что? Тьфу, одно название, одно издевательство какое-то над людьми! Мы еле упросили, чтобы нам хоть что-то дали, куда ж это годится?! Чай тут тоже народ живет, а не тля. Вы хоть помогите, покажите им, что у нас здесь делается! Не можем мы управу на них найти, никто нас не слышит! И ведь

не первый год уже торфяники горят, меры нужны. . .

Хм... по-любому вставят только: "Это сегодня еще ветер есть, дует в другую сторону, а вчера вообще духота стояла страшная, мы вообще не дышали. Очень едко пахнет, окна открыть невозможно". Остальное вырежут. Милая моя женщина, если бы вы только знали, что и нас слышат не больше вашего. Я же ничего не монтирую и не утверждаю. Из моего материала слепят сюжет на минуты три-четыре, а его сперва посмотрят и утвердят, и в эфир ничего "прямого" не пойдет, даже если так написано на экране. Фирма веников не вяжет, потому что фирму саму загоняют в гроб за любое неосторожное слово. Но вслух я, разумеется, скажу вот что:

— Спасибо, все сняли! Ролик выйдет сегодня в вечернем выпуске. Попадет туда не все, времени будет мало, но суть редакторы оставят.

Комментарий пожарного тоже взяли, благо тут от минного поля меньше:

— Просто «побрызгать сверху» не работает. Торфяник тушат проливанием вглубь - под большим давлением, через специальные шланги, скважины или даже траншеи. Задача - пропитать очаг тления водой на глубину до нескольких метров. Это как поить кактус до корней - долго и неудобно, зато рабочий метод. Чтобы пожар не распространялся под землёй, выкапываем минерализованные полосы, канавы, рвы, которые обрубают доступ кислорода. Иногда делаем так называемое обводнение — заливаем канавы водой, создавая

барьеры. Сегодня будем использовать пенные составы или огнетушащие реагенты, которые дольше удерживают влагу, проникают глубже и перекрывают доступ кислорода. Это уже почти химическая атака на огонь, но и она не всегда помогает.

Жизнеутверждающе, по делу, без воды (во всех смыслах, ее еще только подводят). Но весь дядька уже перепачкан сажей и потом, так что каждому его слову верю и надолго не задерживаю. Ему тоже здесь придется отдуваться за всю королевскую рать. Не его вина, что снабжение... того, только памятник ему ставить и свечку за упокой. Он и так старается, собой рискует, даже когда ни черта нет для борьбы с огнем. Но сказать об этом нельзя, ни на камеру, ни без, он уже в системе и понимает, что его за это просто уволят, а скандальные разоблачения в эфир не пойдут. Взрослый мальчик.

Все, снято! Мы по домам. Команда холодного копчения с горьким торфяным привкусом. Но нет худа без добра. Хорошо работать в сугубо мужском коллективе: оператор, водитель и звукорежиссер вовсе не настроены еще куда-то ехать, так что решают перекусить в шашлычной по дороге, чтобы вернуться аккуратно к концу смены, и об этих наших шалостях никто не узнает. Кое-кому из нас можно даже накатить, опять же никто не говорит под руку. Внизу, где квартируют господа из технического, на эти вещи смотрят сквозь пальцы. В такие минуты я вспоминаю детскую мудрость: "Когда я ем, я глух и нем".

Вечерние новости ничем новым не удивили. Местные жители пролезли в эфир лишь контрабандным фоном. Их сетования даже не вошли в репортаж. Действительно, зачем искать безобидный кусочек, когда можно просто отчитаться о том, что дела сделаны и все в таком духе. Ну что ж, подводим итоги работы: Сизиф снова уронил камень, но на этот раз прямо в мой огород.

Глава 7

Слишком длинный день, чтобы отвечать на звонки и идти куда-то, кроме постели. А там фиолетовым цветом литургических облачений расстилаются поля вереска. Нависает мягкая тень тумана. На закатном стыке редет лес. Притаилось в душистых стеблях хищное острие камня. Вся земля оцети-нилась остриями, точно жаждет кровавой мякоти из разбитых коленей. По краям небосклона набухает неистовая гроза. Север Англии даже летом выглядит аскетично и не располагает к веселью.

Хорошо там, где нас нет, но тут хорошо не бывает в принципе. Даже ветер водит по стеклу елью, не желая его касаться, пролетая через и сквозь. Еще бы, "Грозовой перевал" - не место для романтических грез и праздных шатаний. Я здесь по делу. На Мызе Кэтрин вновь и вновь задает вопросы: кто она? Где ее место? Куда бежать, чтобы стать, наконец, собой, а не Линтон или Эрншо? У меня, правда, нет ответов на ее отчаянный зов, но вопросы почти те же самые.

Во времена, когда воплотилась из слова Кэтрин, все до-

роги вели к мужчинам. Только так она могла выбрать путь. Либо статус, комфорт и Линтон, либо бедность, но страсть с Хитклифом. Есть вариант еще остаться с братом и смотреть, как он пускает по ветру отцовское состояние, чтоб на старости лет пойти по миру или в приживалки. Получается, выбрать себя нельзя. Возможно, именно поэтому ее истерики, пена изо рта и ломание рук не раздражают, а вызывают смутное, до конца не осознанное сочувствие. Знамо дело, кричит, а вы бы как поступили на ее месте? Времена не те, но где сегодня набраться смелости, чтобы пойти одной?

Я брожу по старому особняку на ощупь, натыкаюсь на грубо сколоченную мебель и ищу огонек свечи. С каждым новым движением во мне нарастает страх, что дом на Мызе давно покинут, что в нем ни конца, ни края. Кто-то закольцевал анфиладу небрежных комнат и оставил последнюю спичку пеплом. И куда ни подайся - вокруг только взбитые снегом перья из разорванных в гневе перин. Пух касается кожи расчетливо в тех местах, где водили крылами призраки. Сговорились: и пространство, и время, и оторопь работают заодно. Надо же, даже вкус пыли отдает вереском.

Так что хуже: найти хоть кого-то из обитателей этих мест, хоть какой-то огарок свечки, или идти дальше, в затхлый вымирок темноты, где один на один со всеми? Все мои накартинные мысли о будущем предусматривают второй вариант, но сегодня, не в будущем, мне так страшно, что глаза пытаются высечь искру, даже если нигде нет света. Ощущение

ужаса до озноба, до тошноты, до судороги в ногах. Неужели я так и не выйду отсюда без посторонней помощи? Но ведь если я приму для опоры руку, в поле вереска выйду уже не я. Выйдем мы, а это не одно и то же. Это "мы" неизбежно меня изменит и направит туда, куда мне не надо. Кэтрин тоже об этом знала, но разве у нее был выбор? Легко говорить о свободе воли, когда руки не мечутся в ожидании огня. Хоть какого-нибудь огня, что способен раздвинуть завесу тьмы, разорвать кольцо проклятого старого дома.

Вдруг открытое настежь окно подмигнуло болотными огоньками. Это феи окрестных земель затеяли маленькую игру, пока фермеры мирно почивают после вечерней молитвы. Перемигиваясь сигналами азбуки Морзе, они говорят друг другу, что Кэтрин собою стала - катастрофой для всех мужчин, когда-то ее любивших. Разрушительной силой пламени, что свела на нет устремления двух родов к продолжению имени и судьбы. Не женщина, а пожарище, не женщина, а беда. Такова наивысшая точка ее развития и роль в перманентно меняющемся мире, где горит, прожигая землю, огромная залежь торфа. Для чего? Природа расчищает свою площадку, чтоб воздвигнуть дворцы из пепла и опять обратиться во прах.

Я сижу у окна и уже различаю путь в баклажановый сгусток вереска. И змеится узорами на спине ледяное касание призрака. Нужно только решиться на что-то и, кажется, поскорее. Переваливает за полночь, а завтра опять «порань-

ше".

Глава 8

Настроившись на Англию, сложно обойтись без ирландского паба. Над дверью раскачивается потемневшая от времени вывеска с нарисованной арфой и надписью, полустёртой от дождей, : "The Crooked Clover". Изнутри льётся янтарный свет, как из лампы в старинной сказке, и лёгкий запах хмеля дразнит обоняние прохожего.

Внутри — словно шаг в другое время. Потолок низкий, балки тёмные, а всё дерево — тёплое, отполированное поколениями локтей и кружек. Пахнет торфяным дымом и чем-то едва уловимо пряным. Стены украшены пожелтевшими фотографиями с брутальными мужчинами в кепках и румяными женщинами с кружками в руках, старыми афишами рок-групп, рисунками лепреконов и картами острова, будто бы вырезанного из романа Стивенсона.

За стойкой бармен с рыжей бородой, отутюженной и приглаженной барбером. Этот парень знает, как правильно налить "Гиннесс", чтобы шапка была — как облако. К нему с дружелюбным гулом тянется народ: кто за историей, кто за утешением, а кто-то просто ловит и гладит пальцами звон стаканов, почти осязаемый в воздухе.

Где-то в углу раздаётся для фона музыка. Скрипка, банджо и флейта, вплетённые в звонкое пение, будто пойманное с холма и вонзенное в наши московские будни. Народ, угнетённый войной, голодом и лишениями, создал лучшие пи-

тейные заведения, известные на весь мир. Видно, чем больше на человека давишь, тем гуще и ярче его забродивший сок. Сидра, пожалуйста, я не в духе. Мы с подружкой топим женские горести в сладком золоте яблочного вина.

— Так что у тебя там с Лешей?

— Да как тебе сказать? Если бы я знала... Мы вроде как опять вместе, но сейчас я не чувствую ничего, кроме тяжести и сомнения. Собираюсь с духом и говорю ему, что бросаю, но он всегда умудряется вывернуть наизнанку мои слова и начать заново. Мне и упрекнуть его не в чем, он все делает ради того, чтобы эти отношения были. Добивается любви, завоевывает девушку - так он это называет. Эдакий рыцарь в сияющих доспехах перед Прекрасной Дамой, застывшей в выражении гордости и чванства. Я вроде ничего плохого не делаю, но чувствую себя виноватой и сдаюсь, потому что "разрушать любовь плохо" и "это такой период, нужно потерпеть". Мне в моменте нечего возразить в ответ на его молящий и даже взыскующий взгляд. Я смотрю, вспоминаю все то, что было, и не могу отказать, хотя ясно вижу, что "нет" - это честно, а "да" - это просто отсрочка для нас обоих. И, конечно, ложь, от которой даже язык сводит.

— Да ты просто скажи ему, что не любишь, остыла и больше не можешь быть с ним. Это ведь очень просто, никаких оправданий не нужно. Каждый человек имеет право разлюбить, сердцу не прикажешь. Тем более тебе было всего 15, когда вы начали, ты и не могла сознательно выбрать парня

"на всю жизнь". Не тот возраст как бы, он должен понимать, что 9 лет разницы - это реально много, особенно когда девушка юная, а тебе скоро 30.

— В его интерпретации все выглядит иначе. Во-первых, на правах первого и единственного он должен жениться и с самого начала этого хотел. Это его долг, право и бла, бла, бла. Во-вторых, разница - только к лучшему, потому что юной девушке нужен состоявшийся и стабильный партнер, который готов нести за нее ответственность и покрывать семейные издержки. В-третьих, отношения - это тернистый путь, сначала всем легко, но потом нужно проявлять больше терпения и гибкости, чтобы сохранить партнера. Любовь никуда не девается, просто "такой период" и его нужно пережить, чтобы начать новый этап. Звучит, с одной стороны, правильно и логично, но с другой - чушь какая-то. Если мы просто не подходим друг к другу, мне что, терпеть до самого отпевания?

— Ага, щас, и еще 40 дней, пока твой дух витает среди живых. Не ведись на это, он же рассуждает так, как ему удобно, и любые аргументы подберет, лишь бы добиться цели. По факту я вижу вот что: взрослый мужик без памяти от малолетки и пытается ее удержать, даже если ей это все не особо надо. В его красивой истории о традиционных ценностях не все гладко. Если ему так уж нужен был брак, он бы уже женился на ровеснице сто тридцать три раза. Или один - хозяин-барин. Дети, дача, брак, флаг. Но что мы знаем? Все эти годы он гулял с разными девушками, о своем "долге" даже

не заикался, а теперь весь такой патриархально-благостный семьянин, слушать противно! Сколько у него было женщин перед тем, как он решил, что трудности в отношениях нужно преодолевать, а не рубить с плеча?

— Судя по тому, что я знаю, достаточно для морального разложения. Скажем так, будь у нас с тобой столько половых партнеров, нам не выйти из этого бара без улюлюканья медведя из кустов.

— Я даже знаю, из какой он партии.

— Партии любителей нравственности и неформатного порно с рейтингом никогда+.

— И как он это объясняет?

— Ошибался, страдал и был в поиске. А сейчас все осознал, нашел "ту самую" и прекращает безобразничать на со-всем.

— Человек года по версии русской православной церкви.

— Он самый. Это со стороны смешно, но в общении с ним все ощущается иначе. Аутентично, что ли. Я верю его словам и его чувствам. Не могу отделаться от того, что между нами все-таки было. Очень много воспоминаний, эмоций, моментов настоящего счастья. Когда жизнь разделилась на до и после, на "с ним" и "все остальное". Когда я изобретала десятки способов, чтобы выйти пораньше из школы или не быть там вовсе, потому что его там нет, а зачем без него какое-то "там" нужно? Когда губы, глаза и щеки в пылице от его цветов, а внутри закипает нектаром кровь. Он ведь прав, что любовь

была, это я не могу понять, куда она делась? Вот поэтому я не говорю категорично "Нет!", когда повисает подходящая пауза. Набухает ватой язык и щекочет глаза навязчивая цветочная пыльца.

— У тебя проблемы с личными границами. Если не хочешь - скажи прямо, не тяни кота за... жестокое отношение с животными. А то выходит, что из-за прошлого ты теряешь контроль над настоящим и видишь будущее. Ты не пробовала поискать кого-то другого и просто попробовать пообщаться? В сравнении как-то виднее, нет?

— Это нечестно. Сперва нужно завершить одни отношения, потом, если надо, начать другие. Иначе это измена, Эль, на это я не пойду. Сомнительно не только с точки зрения морали, кстати, но и логика хромает: я с одним-то разобраться не могу, куда второго? Мне вообще никто не нужен, пока я не пойму, что нужно от жизни мне. Я ведь никогда одна не была и вообще не знаю, что это значит. Не успела вырасти - уже в паре, причем по полной программе влюблена и по уши увязла в этом состоянии. Возможно, стоило бы нажать на «стоп» и подумать, кто я и кого хочу рядом с собой видеть.

— Так давай, звони прямо шас, не раздумывай. Скажи точь-в-точь то же самое, не занимайся прелюбодеянием с мозгами!

— Это не измена, а разнообразие! Если серьезно, пробовала, но он говорит, что думать мне не мешает и вообще подождет, пока я созрею... для осознания его необходимости в

моей жизни, надо полагать. Типа не навязывается и не настаивает, но на поверку то у подъезда встретит, то названивает целыми днями. Я вроде держу дистанцию, но в то же время он является, когда хочет, и не дает мне ощущения свободного полета, в котором я нуждаюсь тем острее, чем дольше его жду. Я все равно в отношениях и что толку в моих попытках в них разобраться, если я ничего не решаю?

— Ты ни на что не решаешься - так вернее.

— Может, мне нужно время, чтобы все это разрулить. Вдруг он прав? Вдруг все станет так, как было, или еще лучше? Или просто решится само собой? Честно говоря, мне было бы легче, если бы он сказал, что устал от моей неопределенности, неблагодарности, неспособности к любви (нужное подчеркнуть) и уходит. Я отчетливо понимаю сейчас, что почувствую только растерянность и облегчение. Но никак не слезы в три ручья.

— "Растерянность"? Это отчего же?

— От того, что я уже привыкла к его вниманию. Даже если оно, нежеланное и опостылевшее, пройдет, меня удивит это, более того, обескуражит и, пожалуй, расстроит. Но и развяжет руки. Амбивалентность человеческих чувств, да, так хреново она и выглядит.

— То есть ты собираешься ждать, пока все разрешится само собой? По мановению волшебной палочки?

— Знаешь, как у нас на телевидении говорят? "Время покажет". А фак или фигу - все едино, ничего другого у вре-

мени для нас нет.

— Скупой у тебя язык жестов. Есть еще кулак, окей и палец у виска. Хочешь умную цитату в тему?

— Давай.

— "Нельзя дожидаться того, что тебя ждет. К этому надо идти". Если ты уверена, что твоя судьба в другом месте, нужно встать и пойти за нею. Под лежащий камень вода не течет!

— Зато под лежащую плитку - запросто! Наступаешь и море по колено прямо у тебя в кроссовках. Нет, я понимаю, о чем ты, но не могу понять, куда двигаться дальше.

— Позитивные аффирмации из инсты мне не впрок. Выпьем?

— Пускай Минздрав предупреждает, но лишь мурак не наливает!

— Тост? Годится!

Бывает же такое: правы все. Эля дело говорит, Леша правильно поступает, родители "принимают любое твое решение", но "не советуют торопиться". И я права тоже, раз семь раз прикладываю линейку, прежде чем отрезать кому-то голову. Но мудрая мысль осела на сердце инеем: чем дольше чего-то ждешь, тем легче без этого обходишься.

Глава 9

Я шла одна, босоножки глухо постукивали по тротуару, но город больше не притворялся, что он - Москва. Он переломился, будто стекло в витрине, и в трещину между минутами пролезали призраки. Большой театр качнулся, как корабль с

альными парусами, занавес на фронтоне полыхнул красным, на пуантах вращались тени с крыльями вместо рук. И шептали мне сорванные с ресниц стихи, которых я никогда не знала.

Метро закрылось и прохожие исчезали, будто ветер их уносил с Мясницкой. ГУМ светился витринами изнутри, точно грот в аквариуме с подсветкой. Золотые карпы сулили многое за банковские транзакции. И царицей морскую можно здесь - не проблема. Я вот поднялась по прозрачной лестнице. На втором с половиной уровне продавали фасованную луну. Продавщица была похожа на Марину Цветаеву и спросила меня, люблю ли я горькие рябиновые гроздья? Я ответила, да, мол, и получила пробник — полумесяц в стеклянной капле. Не обманула - горечь проголоди на вкус.

Улицы скручивались в уютные завитки улитки. Тверская упала вниз, как эскалатор, влекомый в бездну, и там, внизу, стоял мертвый Сергей Есенин с фонарем вместо головы. Он провожал меня взглядом без глаз, и его трость чертила на асфальте фразу: «Перспектива наоборот: то, что ближе, дальше».

Красная площадь дрожала, как натянутая мембрана барабана. Мавзолей вспыхивал и гас, внутри пели погребальные песни дети, и от этого пения шла по брусчатке рябь. Спасская башня навстречу глазам раскрылась, а внутри нее дирижер управлял ветром, и каждый нетерпеливый взмах раздавался музыкой тысяч листьев.

А Москва-река не водой текла. Отражениями из глуби-

ны реки на меня с любопытством глазело светящееся огнями небо. В звездах я распознала Садовое кольцо, оно было полупрозрачным, но уже населенным трамваями, что наполнены были светом. Ну здравствуй, Стоглазый Аргус, не смотри на меня так холодно! Лето коротко, как подол у платья, что носибельно раза три в году, пока отдыхает ветер.

Мир удвоился и скручивался в спираль, как цветная проекция ДНК, и я шла по ней, будто по лестнице в другой язык. Неважно, в сущности, где я — в Москве или внутри сна, в котором город стал продолжением локона. Этой ночью метро закрутило покрепче стеклянный шар с серебристым пеплом, где застряла живая статуя, подозрительно похожая на меня. И от станции к станции меня провожали волны глицерина, замедляющего бег искр и секундной стрелки. Вы не знали? Антифриз обеспечивает эффект *slow mo*.

И мне так хорошо одной, что не надо ничего больше. Золотые рыбы меня не выдадут, они - не мы.

Набираю трусливый текст: "Я на месяц в командировку, позвоню, когда смогу. Сам не набирай, съемки напряженные и без графика. Буду на связи по возможности. Не обижайся, *duty calls!*".

Глава 10

Все бы ничего, но обычно в таких случаях наступает утро. Утро, которое выставляет счет. Серое, уставшее и под конец смены. Ему не до ужимок, не до приличий, оно просто хочет получить то, что ему причитается, и закрыть лавочку.

Дайте-ка взглянуть! Хм... Моя карета превратилась в тыкву, а платье рассыпалось ворохом серебристой листвы. Голова тяжелая, пульс предательски участился. Покрываюсь неровными красными пятнами. 20 пропущенных. Селяви. Хотя вкус моей утренней жизни точнее определяет слово "салями". Блин с итальянской (ага, щас, воронежской) колбасой - лучшее, что есть на вокзале. Еще успею на раннюю.

Нет, не туда. Моя воображаемая командировка начнется с реального путешествия, пусть и не такого масштабного, как у Радищева или Одиссея. Зато не менее опасного, ведь всегда сохраняется вероятность случайной встречи с тем, для кого меня нет. Для него это тоже родной город.

Электричка пропитана... нет у меня литературных слов для этого описания. Достаточно того, что ночью в них часто устраиваются бомжи. Запах, не склонный к кочевому образу жизни, остается здесь насовсем. Но вагоны - куда ни шло, они не идут ни в какое сравнение с тамбуром, где обычно находят себе воплощение самые темные помыслы. Например, курение в общественных местах. Блин, у меня потом все волосы в этом... смраде! Не думала, что мне когда-нибудь пригодится это слово, но поди ж ты!

Однако под музыку все эти мелочи опадают, теряя власть. Я возвращаюсь в себя и понимаю: все, что на самом деле важно, происходит у меня в голове. Нигде больше. И сейчас там играет музыка. "Эхо тысячи вокзалов" Гуши Катужкина и Марии Чайковской. Если я в отъезде, так тому и быть. Так

и есть, по большому счету. Ведь я - это то, что у меня внутри, а наружно я номинально, из одной лишь формальности и дани традиционным устоям. За окном идет быстрая перемотка леса - пример оптического обмана, в который верят. Чем я хуже?

"У нас с тобой есть future, но оно такое нечеткое". А у кого оно "четкое"? Так и хочется встрять посреди песни, растопырив на боках локти. Если я нарисую отрезок, представлю его своей жизнью и сделаю отметину там, где сейчас нахожусь, получится, что около 80% времени еще впереди (если мы исходим из сотни лет, хотя это слишком оптимистичный прогноз). Многие испытали бы экзистенциальный шок, видя, сколь мал и незначителен наш путь в виде этого мизерного отрезка. Но я пойду дальше и вычеркну эти 80%. Потому что они мне вообще не принадлежат. У меня их нет. Конец игры может настать в любую минуту, мне никто не гарантирует продолжения. Люди умирают каждую секунду. Это не драма, это статистика. Кто поручится, что я не стану следующей? Выходит, Тургенев был прав: у счастья нет завтрашнего дня. Потому что его ни у кого нет. Лишь гипотеза, намек, обещание. Ну нарушат его и что? Все эти планы строятся на песке. И песок отмеряет время, которого у нас нет. Так чего же он хочет от меня? Чтобы я расписала свои шаги на всю "жизнь" вперед? И «сегодня» потратила лишь на то, что, возможно, сгодится завтра? Ведь сейчас я не хочу создавать семью. Не хочу создавать отношения "на будущее",

вдруг что, как бы чего не вышло. Не хочу готовить сани летом, потому что оно и так пролетает быстро, не сидеть же в сарае с этими санками, черт меня возьми! У меня в итоге не останется ни зимы, ни лета, только сани с телегой и вечный сарай, где я их готовлю...

Мне могут возразить, мол, а разве Стрекоза из басни Крылова рассуждала не похожим образом? И куда это ее привело? Понимаю справедливые опасения, но юному читателю невдомек, что Стрекоза прожила хоть мало, но по-человечески, а Муравей, считайте, не жил вовсе. Работал, работал, работал, чтобы ожесточиться сердцем и сидеть зимой в одиночестве. Чтобы летом снова работать, не разгибая... что там у них? А Стрекоза "лето красное пропела". У нее все было весело и прекрасно. Так, как должно быть. Она сполна наслаждалась летом, пусть и не дотянула до следующего. Не в этом ли высшая мудрость того, что по природе своей временно? Человек недалеко ушел от бабочки. Если вычесть всю рутину и волокиту, остается день полноценного бытия. И что, в муравейнике его просидеть? "Не лучше ли устроить пир на эти двадцать семь тысяч и, приняв яд, переселиться "в другой мир" под звуки струн, окруженным хмельными красавицами и лихими друзьями?". Этот роман М.А. Булгакова многое проясняет. Даже если речь идет о Стрекозе и ее летнем отдыхе. Надо же, в голове звучит убедительно, неужели с родителями тоже получится?

Очередь к выходу. Очередь к турникету. Очередь к оста-

новке. Ай, ладно, пойду пешком. Город приветствует натужно, как после операции. Как будто с благими целями разрежали все внутри, а сшили неправильно. И переделывать стыдно, и так оставить - непорядок, что делать? Как вариант, занавесить руины огромными транспарантами с фотокопией дома - тем, каким он должен был быть. Вялая попытка хотя бы мысленно воссоздать этот реликт эпохи, фиговый лист на причинном месте города. Я до сих пор не понимаю, кому в голову пришло завешивать здания изображением зданий? Причем такими плоскими и безжизненными, как рисунки детей в 3 классе. Но у детских хотя бы шарм есть, романтика первых открытий, а тут... экономия сайдинга с имитацией кирпича. Линолеум с эффектом итальянской плитки.

Но по сторонам глазеть недосуг, впереди путь с препятствиями. Выемки, рытвины, кроличьи норы, черные дыры и все это в самых неожиданных местах. Они все спорят, где стреляют, однако, по всей видимости, у нас - в тылу и подбрюшье. Иначе я не могу объяснить такое состояние дорог. И эти могильные оградки, состоящие из краски и ржавчины, символизируют глубокий траур населения по региональному бюджету, павшему в этой неравной борьбе с... чем? Я англосаксонское господство имела в виду, а вы что подумали?

Дома, что пока избегали савана, обросли наступательно-яркой броней. Желтые балконы, голубые стены, серые швы панелей, через которые проступает реальный облик советского города. Даже не знаю, что лучше. Новые цвета да-

вят и напоминают навязчивую веселость детского садика, где должно быть по идее весело, но всегда страшно и неуютно. Под суровым и неодобрительным взглядом ты не так танцуешь, не так поешь, не так ешь или спишь. Напряженная атмосфера передалась городу. Лишь железобетонный квадрат школы остался по-честному серым. Это казенное заведение насупилось и выглядело обиженным, потому что съежилось в моем восприятии до квадратика. Я помнила его большим и сильным, а теперь оно дряхлое и смешное. На фоне Москвы весь город сузился и скукожился до размеров табакерки.

Если чуть отойти от центра и многоквартирных районов, приставленных к заводам и предприятиям, можно лицезреть старый город, сохранивший советскую аутентичность. Но и она уже разбавлена шиком нулевых, когда поперли большие деньги. Среди выдавших виды деревянных домиков с резными наличниками и ажурными занавесками уже возвышаются просторные современные коттеджи на американский лад: окна в пол, два гаражных места, стеклопакет и жалюзи. Весь в железный узор и завитках, забор явно выдержан в стилистике дома, на калитке надменно поблескивает ящичек для писем. К массивным дверям ведет не что-нибудь, а тропа из садовой плитки. Вот в таком осанистом, благородном месте мне довелось родиться. Я из тех, кому в этом районе повезло. А вот Леша - нет. Его половина дома на другой улице. Половина, потому что советские здания этого формата строились по определенному регламенту и рассчитывались на две се-

мьи. Типа дуплекс, но по-пролетарски. Две улицы разделяет глубокий и вечно сырой овраг, где то ли повесился, то ли утонул какой-то пьяница. С тех пор прореха на теле подмосковной земли пользуется дурной славой. Вот туда мне не надо ни в коем случае. Леша в Москве, но меня могут увидеть соседи и мало ли что. Я вообще собираюсь провести дома оба свободных дня. Принцесса повзрослела и осознала, что в башне и с драконом куда спокойнее.

В просторной прихожей все то же: лосиные рога, изящная мебель из натурального дерева, красивая плитка с геометрическими рисунками. С потолка свисает массивная люстра, разодетая в хрусталь. И - неожиданно - арбалет, но его просто никто не убрал на место. Отец забавляется, любит пострелять. "Жениха тебе в болоте настрелял, лучше бы в Москву за этим съездил, но туда с арбалетами не пускают" - любил пошутить он. В семье отношение к Леше было двойственным. Отец над ним подтрунивал, его такая партия не устраивала, но он явно избегал запретов и упреков, чтобы дочь "выбирала сама" и набиралась опыта. Мать, напротив, одобряла надежного ухажера, видела в нем стабильность и уверенность. Вместе они сходились на том, что лучше не запрещать эти отношения, даже несмотря на разницу в возрасте и мои 15 лет. Эффективнее было нас контролировать и держать в строгих рамках, не превращая раннее увлечение в сладкий запретный плод. Каждый день я возвращалась домой ровно в десять, не приведи бог позже. "Взрослый" ка-

валер после пары тет-а-тет разговоров понимал, что родительская уступчивость имеет четкие границы, и не выходил за очерченный мелом круг. Мама и папа делали вид, что не знали. Он принимал условия игры и создавал иллюзию, что ничего не происходит. Я тоже играла свою роль и ходила к 24-летнему парню поиграть в шашки. Все мы попали в цугцванг: любой ход игроков вел к ухудшению позиций. И мы замерли в ожидании момента, пока что-то на доске прояснится и откуда ни возьмись явится возможность для подковного удара. Но шашки - не шахматы, если тебе некуда ходить - это стопроцентный проигрыш.

Утром из бодрствующих собеседников только мама. После обмена любезностями и новостями я перевела разговор на насущную тему.

— У меня тут командировка намечается от канала, большие перспективы. Где-то на месяц с небольшим, до начала учебного года.

— Куда? Неужели прямо туда пошлют?

— Нет, что ты! Но рядом, в тыловую зону.

— Даже не вздумай! У них что, мужиков нету, что ли? Ошалели совсем! Зачем девушку гонять, да еще и первокурсницу!

— Никто не гонит, это предложение такое. Возможность проявить себя, засветиться...

— Ага, а вручение орденов посмертно! Нет, Саша, я решительно возражаю! Ты, конечно, уже взрослая, но сама по-

думай: если ранение какое или что, как ты жить дальше будешь? Ни диплома, ни семьи, ни основы какой-то в жизни. Папа уже не тот, сердце у него пошаливает, не дай бог что, как мы справимся?

— Мама, ты драматизируешь. Там ничего такого нет.

— Как "нет"? Вы же сами снимаете, что...

— Мам, очнись, я снимаю это в Москве! Тебя ничего в этой магии не смущает?

— Кадры оттуда тоже есть, ты за этим туда и едешь!

— Откуда эти кадры и как они снимаются - это бабка на-
двое сказала, я б не поручилась ни за один из них.

— Но тогда зачем это все?

— Это "все"? За покровом тайного мирового правитель-
ства, надо полагать.

— Не валяй дурака, я серьезно спрашиваю!

— Там собирается материал для документалок и шоу вы-
ходного дня. Интервью, съемки с места событий, живой ма-
териал, которого нам так не хватает. Есть на местах люди,
которые в Москву не едут выступать, наградные не дают про-
сто. Вот их бы послушать и узнать, что там на самом деле
происходит.

— А что неясного? Опять это НАТО нам палки в колеса
ставит, задурили голову кретинам, вот они и пляшут под чу-
жую дудку! Не нужна им сильная Россия, вот они и...

— Ты откуда это взяла?

— Из твоих же, Сашенька, репортажей! Там в финале на-

ша фамилия звучит. Мне уже все знакомые позвонили, спрашивают, неужели я свою дочь на войну отправила - эти ужасы снимать?

— Да нету там никакой войны! Просто нам в диковинку, когда есть разные политические силы, когда звучат разные голоса...

— Когда свистят пули и взрываются снаряды - в диковинку и слава богу!

— Они нарочно нагнетают ситуацию, прощупывают, продавливают, не знаю, правда, зачем...

— Кто "они"? Я про вас, Саша, говорю. Это вы снимаете и рассказываете. Что ж я, дочери своей не поверю, что ли?

— Я не делаю весь ролик, я снимаю нужные фрагменты, чтобы штатный корреспондент мог все это успеть. Я не решаю, что ему сказать, и думаю даже, что не решает он. Политика канала...

— Разве это важно? Мы, зрители, доверяем людям, которые эту тему изучили и все проверили, чтобы коротко нам озвучить. Я тебе верю, ты же там работаешь...

— Не работаю, а стажируюсь...

— Это все равно! Твоя фамилия в конце, все это слышат. Мне уже, знаешь, сколько раз звонили? Завидуют, уважают! Кстати, видела на днях твою учительницу, просила в школу зайти и на классном часе выступить. Показать ребятам, что и в нашем городе успешные люди есть. Надо только учиться...

— И помалкивать о том, что думаешь на самом деле. Я

профи, могу преподавать. А если честно, я хочу поехать, чтобы лично во всем разобраться. Понять, что происходит в реальной жизни, а не смотреть издалека. Конечно, все мои находки не покажут, но я хотя бы для себя разберусь и, может быть, приму одно важное решение.

— Какое?

— Сми, которое ту ситуацию покажет верно или хотя бы честнее всех, станет местом моей работы. Я приложу все силы, чтоб оказаться там.

— Ты и так добилась места на самом крутом канале, пусть оно и внештатное. Тебе и рано в штат, диплома нет. Так куда и зачем тебе еще стремиться? Надо сосредоточиться на этом направлении.

— Чем дольше я там работаю, тем больше убеждаюсь в том, что это не совсем журналистика, мама, и не совсем мой путь. Тот, за который я себя могу уважать.

— А ты думаешь, в других местах все по справедливости, да?

— Нет, но...

— Ты послушай, как у меня на работе происходит: приводят ребенка - дебил дебилем, господи прости. И говорят: "Мы все видим, но нам нужна справка, иначе в обычную школу не возьмут". Но нельзя его в обычную школу! Нет у нас условий для инклюзивности, его там затопчут просто, если хуже не сказать. Он вообще не бельмеса не понимает, что вокруг него делается. И вот я отвечаю: "Нет, мол, не даю

заклучения своего, у ребенка диагноз и все показания для коррекционной школы". А в итоге что? Идут в кабинет выше, платят звонкой монетой, выходят со справкой. И кто будет крайней, если что? Не мое начальство, боже упаси, я буду крайней, хотя по всем правилам отказала. Где справедливость? Что мне делать? Где тот идеальный психоневрологический диспансер, в котором мне надлежит искать свое место? Или правду? Или что там еще в твоих книжках ищут?

— Но ведь можно уволиться, пусть они сами...

— А работать тогда кто будет? Ну уволимся мы все, дальше что? Ты же понимаешь, что от этого только люди страдают, те, кому помощь нужна, а не справка липовая. С ними как? Они не виноваты в том, что ты хочешь с руководством пободаться. Система будет работать - с тобой или без тебя. Но ты можешь сделать лучше, а можешь всех подвести, но остаться в белых перчатках. Я делаю то, что должно, и бывает так, как бывает со всеми нами. Жизнь. И тебе бы надо это понять, пока не поздно. Мы с отцом не вечные, его здоровье уже подводит.

— Как он?

— Сахар и холестерин плохие, вес избыточный, сердце сбоит. А он еще и работает так, как будто ему 30 с небольшим. Никого не слушается, все шутит. Я пытаюсь его в отпуск отправить, так нет же, говорит: "Я от безделья точно с ума сойду, не делай из меня пенсионера!". А инвалида из себя нормально делать? Я беспокоюсь, как же мне одной учебу

вытянуть, если что? Ведь еще 3 года, а потом магистратура. И все платное. Мы что-то отложили, но, боюсь, не хватит...

— Уж об этом не беспокойся, пожалуйста, я сама работать смогу.

— Нет, какая ж это учеба, если работать надо? Вот вышла бы ты замуж, я была бы за тебя спокойна. Все-таки надежный тыл...

— Мама! У меня глаза сейчас закатятся на совсем! Мне 18 лет всего, какой "замуж"? Я вообще не уверена, что хочу быть с Лешей. Это одна из причин, по которой я уезжаю.

— Как это "не уверена"? Он такой надежный, такой порядочный человек! Сейчас таких, знаешь ли, очень мало. Все финтить хотят, куролесить, а как ответственность - так в кусты и поминай как звали!

— Я же не работника месяца выбираю, а парня, с которым мне... Нет, не "будет хорошо" или "будет комфортно", а сейчас так, будто без него ничего не будет и ничего не надо. Такого ощущения уже давно нет. Какой смысл выходить замуж?

— Ты говоришь о влюбленности, но она ведь у всех проходит. Думаешь, у нас с папой конфетно-букетный период до сих пор? Нет, конечно! Иногда и на работу люди ходят, просто чтобы дома не сидеть, друг на друга не глядеть. Попробуй поживи лет двадцать с одним и тем же человеком, конечно, никакой эйфории уже не будет, зато претензий - полный воз, девать некуда!

— А зачем тогда?

— Чтоб жилось легче. Мужчина - это поддержка, это защита, это уверенность в завтрашнем дне. Тут одних красивых слов мало, дела нужны. Леша, может, звезд с неба не хватает, зато на него можно рассчитывать. И если даже у нас что-то не заладится, он поможет, я хоть буду спокойна.

— Брак по расчету?

— Зачем же так? Не я его выбирала, вы сами к этому пришли.

— Но если я не хочу замуж? Не уверена я в своих чувствах, тогда что? Нельзя же выходить замуж просто потому, что так удобнее!

— Только так и надо. Но чтобы "удобно" было тебе, иначе смысла никакого нету. Просто ты у нас хорошо живешь, горя не знаешь, спасибо папе, постарался. А люди, знаешь, как живут? Ни в сказке сказать, ни пером описать! Учиться не на что, семеро по лавкам, работа трехкопеечная, еще и нагибают в три шеи. И таким вот девушкам выбирать не приходится, лишь бы было, что на бутерброд намазать. Там и дети вовремя, и блажи меньше. А то взяли моду: до тридцати они гуляют, себя ищут, а потом глядь - всех приличных мужиков разобрали, так одни с кошками...

— Мам, а это еще откуда? Неужели ты еще и наши сериалы смотришь?

— Это не сериалы, а жизнь! Вот у тети Светы дочь, помнишь?

— Мама, если речь зашла про местный фольклор, наш разговор в крутом пике! Я понимаю, что ты думаешь о будущем, хочешь для меня только счастья, как на рекламе ипотечного кредита, но на данный момент мне нечем тебя обнадежить. Отложим эту тему до лучших времен.

— До тех, когда думать будет некогда! Учти, я про отца серьезно. Не исключено, что мы с тобой останемся вдвоем и будем решать накопившиеся проблемы без иллюзий и отлагательств. Но ему не говори, конечно, это между нами, чтобы тебя не шокировать. Ты морально должна приготовиться к тому, что жизнь изменится и прежнего уровня достатка уже не будет.

— Я понимаю, мама, не переживай. Справимся, даже если так будет. Ты можешь на меня рассчитывать.

— Мне бы тебя пристроить, чтобы душа не болела, но куда там, упрямая больно стала! Раньше слушалась родителей, прелесть, а не дочь, теперь вот командировки какие-то и мысли несерьезные, как будто переходный возраст только начался. Говорила же отцу, не надо было тебя одну в Москву отпускать, меняет она людей...

Самое время сделать паузу и подняться к себе в комнату. Все равно последнее слово за отцом. А он отпустит. Конечно, можно было сказать, что я никуда не уезжаю, а просто сказала об этом Леше, чтобы... и вот тут колеса вязнут. Как объяснить другим, что ты не решаешься порвать с парнем лично и ищешь дурацкие отговорки, лишь бы с ним не ви-

дется и не объясняться? Звучит бредово, как будто тебе лет 12 и ты в заложниках. Взрослые люди решают проблемы самостоятельно. Им хватает слов, чтобы выразить свои мысли и возразить. А я... Мне пришлось бы признать, что я, гордость маминых подружек, никакая не взрослая, что у меня, блин, проблемы и немеет язык, когда нужно настаивать на своем. И сейчас, после этого разговора, я все больше хочу "уехать". Номинально, конечно, но все-таки оторвать для себя хоть кусочек веревочной лестницы и исчезнуть на пару недель для всех. Окопаться в квартире и вести партизанскую войну за право побыть собой. И не знать о том, как мне лучше жить.

А пока я открываю цифровую шторку, чтобы очутиться в...

Глава 11

...Америке, штате Мэн. Элизабет Страут сама родилась в этих краях, поэтому действие романа "Оливия Киттеридж" происходит в южной глубинке. Такой же маленький провинциальный город, как наш. Спору нет, живут сытнее, даже на пенсии по ресторанам ходят. Но у них голод другого рода - голод по другой жизни. И, в отличие от ресторана, там не подают ни меню, ни угощений. Там, где нас нет, существует с одним лишь единственным условием - ноги нашей там не будет и не о чем говорить. Оно не применимо к реальности, поэтому и прекрасно.

Едва ли не каждый герой, осознавая матрицу, мечтает о

красной таблетке, но выбирает синюю. Когда жителям этого захолустья выпадает шанс изменить свою жизнь, выйти за пределы обыденности, пойти на поиски себя настоящего, они замирают там, где были, и не тянутся за запретным плодом. Остается скучное, но привычное и комфортное бытие, где нет резких поворотов и судьбоносных решений. Рай Бога-отца, где все предсказуемо и в порядке. А ты - хорошая девочка или хороший мальчик. Твой фасад бесподобен, тебя не в чем упрекнуть, но внутри багровеют пропасти и темнеет кровавый след. Пока ты не приставишь ружье к виску, никто тебя не узнает.

Я сижу в светлой комнате и смотрю в перемотке на жизнь Оливии Киттеридж - школьной учительницы, которую многие недолюбливают за прямолинейность и грубоватые манеры. Ей с трудом удастся держать под контролем пристойный фасад американского пригорода. Но это так важно, что приходится вытеснять из памяти и ума неудобную правду о себе. Лишь к концу пленки я понимаю: любимая всеми учительница была своего сына и до истерики плакала от того, что разбился ее несостоявшийся любовник. Оливия любит, но этой любовью ранит, как острие, влюбившееся в мягкую и податливую плоть. Все эти кадры были вырезаны и запечатаны в тайниках так крепко, что приходится по крупичкам, намекам из прошлого собирать слова, не произнесенные вовсе. А как об этом расскажешь? Разве может учитель бить своего сына? До синяков, до ссадин, до состояния, когда вызы-

вают соцработника? Разве может человек, который работает с детьми, ненавидеть свое материнство, тяготиться им, как ярмом? Ведь не сходится же, не сходится, разъезжается на полу плитка, а под ней - признание, что пошла под откос вся жизнь. И нельзя повернуть назад, потому что некуда. Застрелился отец, отдалилась мать, больше нет для Оливии места. Она уже взрослая женщина, у нее есть дом и работа, партия сыграна. Чемодан, вокзал? Поздно! Нет таких билетов, которые проложат путь, если ты не знаешь, куда деваться. Это страшное ощущение, оно может свести с ума. Внешне все вроде бы нормально, но до очередного срыва, когда разрыв между тобой и тем, кем ты должен быть, снова по шву разрезает плитки. Мне так жалко Оливию, когда она стоит на кухне и кричит: "Не хочу это делать!". Я понимаю, что она имеет в виду. Не ее роль, не ее выбор, а исправить уже ничего нельзя. И как быть? Если честно, надо бежать. Если реально, бежать некуда. Героиня была прекрасным учителем, но плохой матерью и женой. А муж, при всех его добродетелях и плюсах, был для нее лишь лучшим на свете другом. Это много для жизни, но для любви так мало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.